

МЕСТЬ НОФФРЕТ

АГАТА КРИСТИ

РОМАН

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ВТОРОЙ МЕСЯЦ ЛЕТА,
17-й ДЕНЬ

НА СЛЕДУЮЩИЙ день приходился праздник Новой Луны, поэтому Имхотепу пришлось отправиться к гробнице для жертвоприношений. Яхмос вызвался его заменить, однако старый жрец заупрямился. Смешно и жалко было смотреть, как он бормотал, пытаясь принять свой прежний значительный вид:

— Если я не присмотрю за всем, ничего не будет сделано как следует! Разве я когда-нибудь отказывался исполнить свой долг? Разве я не содержу всю семью?

Внезапно он замолк, ошеломленный.

— Семью... Я забыл, забыл, что мои добрые сыновья покинули меня! Где теперь мой красавец Собек? Где любимец мой, умница Ипи? Только ты, Яхмос, и ты, моя дочка Ренисенеб, остались со мной. Но надолго ли?

— Надеюсь, мы будем с тобой еще много лет, — ответил Яхмос, повышая голос — так разговаривают с глухими.

— Что? Как ты сказал?

На мгновение Имхотеп растерялся и вдруг недобро прошептал:

— Но ведь все зависит от Хенет, не правда ли? Да, да, все зависит от Хенет...

Яхмос и Ренисенеб переглянулись.

— Я тебя не понимаю, отец, — ласково и отчетливо проговорила Ренисенеб.

Имхотеп пробормотал что-то невнятное. Затем он возвысил голос, но взгляд его по-прежнему оставался мутным и как бы отрешенным.

— Хенет меня понимает. Всегда понимала. Она знает, как велика моя ответственность, как тяжела.

Окончание. См. «Азия и Африка сегодня» № 4—12 за 1968 год и № 1 за 1969 год

Да, велика и тяжела... И никакой благодарности... Но каждому воздастся по делам его! Таков закон, и я считаю его справедливым. Дерзость должна быть наказана. А Хенет всегда была смиренна, скромна и преданна. Она будет вознаграждена...

Имхотеп встал и продолжал торжественным тоном:

— Ты меня понял, Яхмос? Хенет отныне будет иметь все, что хочет. И все должны выполнять ее волю беспрекословно!

— Но почему, отец?

— Потому что я так хочу! Потому что если мы будем слушаться Хенет, никто больше не умрет... Состроив таинственную мину, Имхотеп кивнул головой и вышел. Яхмос и Ренисенеб обменялись взглядами, пораженные и одновременно встревоженные.

— Что все это значит, Яхмос?

— Не знаю, Ренисенеб. Иногда мне кажется, что отец сам не понимает, что он делает или говорит.

— Может быть. Но зато Хенет, я думаю, прекрасно знает, что она делает и говорит. Еще вчера она мне сказала, что скоро будет щелкать кнутом в нашем доме.

Они снова переглянулись. Яхмос положил руку на плечо Ренисенеб.

— Не надо ее раздражать. Ты слишком открыто выказываешь свои чувства, Ренисенеб. Ты слышала, что сказал отец? Если мы будем слушаться Хенет, в доме больше никто не умрет!

* * *

Хенет сидела на корточках в одной из кладовых и пересчитывала льняные простыни. Это были старые простыни с едва видимыми метками на углах. Одну из них Хенет поднесла поближе к глазам.

— Ашайет, — пробормотала она, — простыни Ашайет. Помечены в тот год, когда мы вошли в этот дом, она и я... Давненько это было! Интересно, знаешь ли ты, Ашайет, на что пойдут теперь твои простыни?

Хенет захихикала, но тут же, вздрогнув, умолкла и обернулась. Перед ней стоял Яхмос.

— Что ты здесь делаешь, Хенет?

— Бальзамировщикам нужны пелены. Они уже

изрезали целые стопы простынь на ленты. Только за вчерашний день извели четыреста локтей полотна. Страшно подумать, сколько простынь ушло на похороны. Теперь приходится отдавать эти, старые. Они еще крепкие, и полотно тонкое. Это простыни твоей матери, Яхмос. Да, простыни твоей матери Ашайет.

— Но кто тебе позволил их взять?

Хенет расхохоталась.

— Имхотеп доверил мне все хозяйство. Мне больше не нужно спрашивать ничего позволения. Имхотеп верит бедной старой Хенет.

— Да, Хенет, похоже на то, — покорно согласился Яхмос. — Мой отец говорит, — он помедлил, прежде чем закончить, — что все будет зависеть только от тебя.

— В самом деле? Приятно слышать. Но, может быть, ты, Яхмос, думаешь иначе?

— Я... я, право, не знаю, — ответил Яхмос неуверенно, не спуская, однако, с Хенет испытующего взгляда.

— По-моему, тебе, Яхмос, лучше думать так же, как Имхотеп. Мы не хотим больше никаких неприятностей, не правда ли?

— Боюсь, я тебя не совсем понимаю. Ты хочешь сказать, что мы не хотим больше смертей?

— Увы, Яхмос, от смертей мы еще не избавились.

— Кто же умрет следующим, Хенет?

— А почему ты решил, будто я это знаю?

— Потому что, по-моему, ты знаешь многое. В тот день, например, ты знала, что Ипи умрет... Ты ведь очень умна, Хенет, правда?

Хенет приосанилась.

— Значит, и ты начал это понимать? Я больше не прежняя старая глупая Хенет. Я — та, кто знает.

— Что же ты знаешь, Хенет?

Хенет понизила голос и заговорила отрывисто и резко:

— Я знаю, что теперь наконец я могу делать в этом доме все, что хочу. И никто мне не помешает. Имхотеп уже мне доверился полностью. И ты тоже поступишь так же, не правда ли, Яхмос?

— А Ренисенеб?

Хенет злорадно захихикала.

— Ренисенеб здесь не будет.

— Ты полагаешь, что следующей умрет Ренисенеб?

— С чего ты взял, Яхмос?

— Ответь мне!

— А может, я просто думала, что Ренисенеб выйдет замуж и уйдет из дому?

— Ты действительно думала только об этом?

Хенет опять хихикнула.

— Эза как-то сказала, что мой язык — опасное оружие. Наверное, так оно и есть! Да, да!

Она визгливо рассмеялась, раскачиваясь взад и вперед на пятках. Потом резко оборвала смех.

— Так что, Яхмос? Могу я наконец здесь распоряжаться?

Яхмос помедлил, вглядываясь в ее лицо.

— Да, Хенет, — с усилием проговорил он. — Ты очень умна. Ты будешь делать здесь все, что хочешь.

Он повернулся и встретился в дверях с Хори, который вошел в кладовую из центрального зала.

— Вот где ты, Яхмос! Имхотеп ждет тебя. Пора отправляться к гробнице.

Яхмос кивнул:

— Хорошо, я иду. — Затем прошептал: — Хори, мне кажется, Хенет сошла с ума. Она поистине одержима злыми духами. Я начинаю верить, что все несчастья постигли нас из-за нее, что это она...

Хори помедлил, ожидая, чтобы Яхмос закончил фразу, но, так и не дождавись, проговорил спокойно и даже беззаботно:

— Да, пожалуй, она очень странная женщина. И очень злая.

Яхмос еще больше понизил голос.

— Хори, я боюсь за Ренисенеб.

— Из-за Хенет?

— Да. Она мне намекнула, что, может быть, следующей... уйдет Ренисенеб.

Раздраженный голос Имхотепа прервал их разговор:

— Что, мне ждать тут до вечера? Где Яхмос? Никто со мной не считается. Никто не видит, как мне тяжело.

Хори поспешил к Имхотепу. Яхмос задержался, чтобы шепнуть несколько слов Хенет. Та выслушала его, одобрительно кивая, и глаза ее при этом горели злобным торжеством.

Затем Яхмос присоединился к Имхотепу и Хори, извиняясь за опоздание, и они втроем направились к гробнице.

* * *

Для Ренисенеб этот день тянулся бесконечно. Она бродила из комнаты в комнату, выходила в сад, к водоему, возвращалась на террасу между пилонами, но нигде не могла найти себе места.

В полдень вернулся Имхотеп, поел у себя в комнате и вышел на террасу, где Ренисенеб сидела в тени, обхватив колени руками. Она исподтишка наблюдала за отцом. На лице его застыло недоуменное, отсутствующее выражение. Имхотеп что-то бормотал, изредка вздыхая. Потом он позвал Хенет. Но Хенет как раз в это время ушла с кипой простынь к бальзамирощикам.

Ренисенеб спросила, где сейчас Яхмос и Хори.

— Хори пошел на дальний участок, где посева льна, — там надо кое-что проверить. Яхмос в поле. Сколько забот у него теперь! А бедные Собек и Ипи, мои милые мальчики, мои сыновья...

Ренисенеб поспешила отвлечь отца от печальных мыслей.

— А разве Камени не может последить за работами в поле?

— Камени? Кто такой Камени? У меня нет такого сына.

— Камени — писец, Камени будет моим мужем.

Имхотеп уставился на нее:

— Твоим мужем, Ренисенеб? Но ведь ты собиралась выйти замуж за Хаи!

Ренисенеб содрогнулась, но ничего не возразила. Возвращать старика к печальной действительности было бы слишком жестоко.

Но через некоторое время Имхотеп сам опомнился, вскочил на ноги и воскликнул:

— Камени? Ну конечно! Он пошел распорядиться на пивоварню. Я должен его найти.

Он устремился со двора, о чем-то разговаривая сам с собой, но с обычным деловым и важным видом. У Ренисенеб polegало на сердце.

Она огляделась. Дом и двор казались ей сегодня особенно мрачными. Царила зловещая тишина. Дети бесшумно возились на дальнем берегу водоема. Каит с ними не было, и Ренисенеб это удивило.

Но вот из дому на террасу выскользнула Хенет. Оглядевшись по сторонам, она просеменила к Ренисенеб со своей прежней плаксивой улыбкой.

— Я дождалась, чтобы поговорить с тобой наедине, Ренисенеб, — просюсюкала она.

— О чем, Хенет?

Та понизила голос:

— Я должна тебе кое-что передать — от Хори.
— Что он просил передать? — встрепенулась Ренисенеб.

— Он просил тебя подняться к гробнице.

— Сейчас?

— Нет, перед закатом. Так он сказал. Если его там не будет, подожди. Он сказал, это очень важно.

Помедлив, Хенет добавила:

— Мне пришлось ждать, пока ты останешься одна, чтобы нас никто не подслушал.

У Ренисенеб сразу стало светлее на душе. Ее радовала мысль, что скоро она вновь окажется в маленькой комнате возле гробницы, где так спокойно и безмятежно! Она радовалась, что увидит Хори, сможет с ним поговорить на свободе. Единственное, что ее удивило, так это то, что он доверился Хенет.

* * *

Передав Ренисенеб послание, Хенет вернулась в кладовую. Тихонько смеясь про себя, она склонилась над разваленными стопками простынь.

— Скоро вы снова понадобится! — злорадно сообщила она. — Ты слышишь меня, Ашайет? Теперь я здесь хозяйка, и я говорю тебе: скоро твои простыни пойдут на погребальные пелены для еще одного покойника. А кто будет этим покойником, ты догадываешься? Хи-хи-хи! До сих пор ты ничего не сделала, никого не спасла. И даже брат твоей матери, великий номарх, тебе не помог! Правосудие? Какое правосудие можешь вершить ты, мертвая, в мире живых? Ответь мне!

Какое-то движение послышалось за высокими кипами полотна. Хенет полуобернулась.

И вдруг широкое полотнище окутало ее с головы до ног. Неумолимые руки стянули его так, что она не могла ни дышать, ни кричать, и стали опутывать ее тело, как погребальными пеленами, все новыми и новыми слоями полотна, пока она не перестала отбиваться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ВТОРОЙ МЕСЯЦ ЛЕТА,

17-й ДЕНЬ

РЕНИСЕНЕБ сидела на пороге маленькой комнаты при гробнице и смотрела на струящийся внизу Нил, предаваясь странным, фантастическим мечтам.

Как далек был тот день, когда она впервые снова поднялась сюда после возвращения в отчий дом! Как уверенно и весело она тогда говорила, что за восемь лет ее отсутствия ничто не изменилось, все осталось по-прежнему!

Она помнила, Хори сказал ей, что даже сама она стала иной, непохожей на ту девочку, которая уплыла отсюда с Хаи, а она его заверила, что скоро сделается прежней.

И тогда Хори заговорил об изменениях, происходящих в душах людей, о болезни, не оставляющей внешних следов.

Теперь она понимала, что он пытался предупредить ее, подготовить. А она была так самоуверен-

на, так слепа, обо всех и обо всем судила по внешнему виду, не проникая вглубь.

Нужно было, чтобы в их доме появилась Нофрет и открыла ей глаза на ее родственников.

Да, появление Нофрет. С этого все и началось. С Нофрет в дом вошла смерть.

Неважно, плоха или хороша была сама Нофрет, — она пробудила злодейство. И злодей до сих пор был среди них.

Ренисенеб вздрогнула, потянулась и встала на ноги. Она не могла больше ждать. Куда, в самом деле, запропастился Хори? Солнце вот-вот зайдет.

Она в последний раз оглянулась вокруг и начала медленно спускаться по тропе в долину. Было по-вечернему тихо. «Какое безмолвие, какая красота! — подумала Ренисенеб. — Но что задержало Хори? Если бы он пришел, мы хоть немного побыли бы вдвоем. Хоть один этот вечерний час. Таких часов осталось немного. Когда я стану женой Камени...»

Резким усилием воли Ренисенеб встряхнулась: состояние покорного безразличия, в котором она пребывала последние дни, сразу прошло. Она почувствовала себя, как человек, пробудившийся от кошмарного сна. До сих пор ужас и неуверенность сковывали ее, и она безвольно соглашалась на все, что ей предлагали. Но теперь она снова была самой собой, и если теперь она выйдет за Камени, то лишь по собственной воле, а не потому, что этого хочет ее отец, Камени, юноша с улыбочивым приятным лицом! Она ведь любит его, не так ли? Вот почему она и станет его женой.

В этот вечерний час мысли ее были особенно ясными и отчетливыми. Туман сомнений рассеялся. Наконец-то она обрела себя! Прежняя смелая Ренисенеб уверенно шла по тропе, высоко над суетой раскинувшейся внизу долины.

Кажется, она говорила Хори, что, даже если ей придется идти здесь одной вечером, в час смерти Нофрет, она преодолет страх и пойдет, пойдет одна. Ну вот, она слово сдержала. Как раз в эту пору они с Сатипи наткнулись на тело Нофрет. И в этот же час много дней спустя по тропе шла Сатипи, вдруг оглянулась — и роковое видение заставило ее оступиться с обрыва.

Да, это было на этом месте. Однако что заставило Сатипи внезапно оглянуться?

Шаги! Ренисенеб слышала чьи-то шаги... Кто-то спускался за ней по тропинке!

Сердце ее сжалось от ужаса. Значит, это была правда! Нофрет шла за ней, преследовала ее...

Ренисенеб задрожала от страха, но не остановилась и не ускорила шага. Она должна побороть страх, ибо совесть ее чиста, ей нечего опасаться... Собрав все свое мужество, Ренисенеб на ходу оглянулась через плечо.

Все ее страхи тотчас улетучились. За нею шел Яхмос. Не призрак, не ужасное видение вставшей из гроба, а человек, ее родной брат. Очевидно, он прибирал комнату для жертвоприношений и вышел из гробницы сразу следом за Ренисенеб.

Радостно вскрикнув, она остановилась:

— О, Яхмос, как я рада, что это ты!

Он быстро приближался. Она уже начала ему рассказывать о своих глупых страхах, но слова застряли у нее в горле.

Это был совсем не тот Яхмос, которого она знала, — добрый, ласковый брат. Зрачки его были расширены, он лихорадочно облизывал сухие губы. Согнув руки в локтях, он выставил их вперед, и пальцы его были как когти. Он смотрел на нее,

и выражение его глаз было ужасно. Это были глаза человека, который уже убивал и готов еще убивать. Звериная злоба и жестокая радость отражались на его лице. Яхмос!.. Таинственный убийца был Яхмос! Вот что таилось под маской кротости и доброты!

Она думала, что брат ее любил, но в его холодном, нечеловеческом взгляде не было ни капли любви.

Ренисенеб вскрикнула тонко и беспомощно. Это смерть, она знала. Ей не справиться с Яхмосом. Он сбросит ее с тропы в том же узком месте, откуда упала Нофрет.

— Яхмос!

Это был последний, отчаянный призыв, в который она вложила всю свою любовь к доброму старшему брату. Но он не достиг цели. Яхмос только рассмеялся тихим, счастливым, изуверским смехом. Он подходил к ней, шевеля скрюченными пальцами, которые сами тянулись к ее горлу...

Ренисенеб прижалась к скале и вытянула перед собой руки в тщетной попытке оттолкнуть его. Тщетной!.. На нее надвигался ужас и смерть.

И тут она услышала далекий музыкальный звук, словно тронули пальцем струну... Что-то пропело в воздухе. Яхмос замер, покачнулся и с громким воплем упал к ее ногам вниз лицом. Оцепенев, она смотрела на оперенный конец стрелы, торчащей из его тела между лопаток. Потом взглянула вниз. Хори бежал к ней с луком в руках.

* * *

— Яхмос!.. Яхмос!..

Потрясенная Ренисенеб повторяла это имя снова и снова. Она все еще не могла поверить...

Она сидела перед входом в маленькую комнату, и Хори не выпускал ее из своих объятий. Ренисенеб не помнила, как он привел ее сюда, наверх. Она не могла говорить и только твердила имя брата с ужасом и изумлением.

— Да, Яхмос, — тихонько сказал Хори. — И все время это был Яхмос.

— Но как? Почему? Как он мог? Ведь его самого отравили? Он чуть не умер...

— Нет, он ничем не рисковал. Он точно знал, сколько можно выпить отравленного вина. И выпил как раз столько, чтобы врачеватель признал отравление. А потом притворился, будто ему плохо. Этим он ловко отвел от себя все подозрения.

— Но он не мог убить Ипи! Он был так слаб, что совсем не стоял на ногах.

— Это тоже было притворство. Помнишь, Мерсу сказал, что теперь, когда яд удален, больной быстро поправится? Так оно и было на деле.

— Но почему, Хори? Почему он все это сделал — не могу понять!

Хори только вздохнул.

— Помнишь, я говорил тебе, Ренисенеб, о болезни, разъедающей человека изнутри?

— Помню. Как раз об этом я думала только сегодня.

— Ты сказала однажды, что зло пришло вместе с Нофрет. Это неверно. Зло уже таилось в сердцах тех, кто жил в вашем доме. Нофрет только заставила зло выйти из темноты на свет. Она вскрыла гнойники души. Материнская любовь Каит обернулась животным эгоизмом, потому что она в действительности не считалась ни с кем, кроме своих детенышей. Собек из веселого, доброго парня превратился в слабовольного хвастуна. Избалованный, но милый Ипи показал себя расчетливым себялюбцем.

Сатипи оказалась жалкой тряпкой. И сам Имхотеп выродился в напыщенного самодура.

— Знаю, все это я знаю. — Ренисенеб спрятала лицо в ладони. — Ты мог и не говорить: я сама постепенно обо всем догадалась... Но почему так случилось? Почему эта скрытая болезнь начала разъедать наш дом изнутри?

Хори пожал плечами.

— Трудно сказать. Может быть, потому, что все изменяется, и, если человек не становится добрее, умнее, возвышеннее, в нем начинают развиваться злые силы, таившиеся под спудом. А может быть, потому, что все твои домашние вели слишком замкнутую жизнь, заботясь только о самих себе, не зная ни раздумий, ни мечты. А может быть, как болезни растений, зло заразительно, и достаточно заболеть одному...

— Но Яхмос! Он казался самым здоровым!

— Да. Ренисенеб, но именно поэтому я его и заподозрил. Другие взрывались и находили в этих вспышках облегчение. А Яхмос всегда был робок, покорен и не имел мужества, чтобы восстать открыто. Он любил Имхотепа и старался угодить ему, чем умел, а тот считал его послушным, но медлительным и недалеким. Сатипи тоже издевалась над Яхмосом со всей жестокостью трусливой женщины. И постепенно груз тщательно скрытых, а потому особенно чувствительных обид накапливался в его душе. Чем добрей он казался, тем больше в нем было злобы.

Хори помолчал.

— А потом, — продолжал он, — как раз в то время, когда Яхмос надеялся наконец пожать плоды своего усердия и трудов, когда отец уже решил его сделать своим соправителем, псывилась Нофрет. Это она, вернее ее красота, стала последней каплей, переполнившей чашу. Нофрет ранила мужское самолюбие всех трех братьев. Она вывела из себя Собека, выставляя его дураком, она обозлила Ипи, обращаясь с ним, как с капризным ребенком, она унизила Яхмоса, показав, что вообще не считает его за мужчину. А затем Сатипи своим язычком довершила то, что начала Нофрет. Это ее издевки, ее похвальба — она, мол, больше мужчина, чем Яхмос, — взбесили его окончательно. Он уже не владел собой. Он встретил Нофрет на этой тропинке и столкнул ее в пропасть.

— Но ведь это сделала Сатипи!

— Нет, Ренисенеб, нет, тут мы все ошиблись. Сатипи снизу только видела, как все произошло. Ты теперь понимаешь?

— Однако Яхмос в это время был с тобой на полях.

— Да, был, но сколько? Разве ты не помнишь, Ренисенеб, что к тому времени, когда мы нашли ее, тело Нофрет уже остыло? Ты сама прикоснулась к ее щеке, и она была холодной. Ты подумала, что Нофрет только что сорвалась с обрыва — но это невозможно. Иначе ее щека в такой жаркий день, да еще на солнце, не показалась бы тебе холоднее льда. Сатипи видела, как все это произошло. Она в страхе бродила вокруг, не зная, на что решиться. Потом увидела тебя и попыталась увести домой.

— Хори, когда ты узнал все это?

— Я догадался довольно быстро. Поведение Сатипи открыло мне глаза. Она явно кого-то или чего-то смертельно боялась, и я скоро сообразил, что она боится Яхмоса. Она перестала измываться над ним и, наоборот, старалась всячески ему услужить. Видишь ли, для нее это было страшным потрясением. Яхмос, которого она считала кротчайшим из мужчин, вдруг убил Нофрет! Это перевернуло все

ее представления. Как большинство крикливых женщин, она была предельно труслива. Новый, незнакомый Яхмос приводил ее в ужас. Она начала заговариваться во сне. Яхмос понял, что Сатипи становится для него опасной...

— Теперь, Ренисенеб, — продолжал Хори, — надеюсь, ты понимаешь значение того, что видела на тропе собственными глазами. Сатипи сорвалась с обрыва вовсе не потому, что испугалась призрака. Она испугалась того же, что и ты: она увидела лицо человека, который шел за ней, лицо своего мужа, готового сбросить ее вниз так же, как он уже сбросил Нофрет. В страхе Сатипи попятилась от него и упала. И когда она перед смертью прошептала: «Нофрет», — она пыталась сказать, что Нофрет была убита Яхмосом.

Помолчав, Хори заговорил снова:

— Эза нашла разгадку благодаря совершенно случайному замечанию Хенет. Та жаловалась, что я никогда не смотрю на нее, словно вижу позади нее что-то, чего там вовсе нет. А потом, так же случайно, Хенет перескочила на Сатипи. Эза мгновенно поняла, что все было гораздо проще, чем мы думали. Сатипи ничего не увидела позади Яхмоса — она увидела лицо самого Яхмоса! Чтобы проверить свою догадку, Эза высказала ее перед всеми так туманно, намеками, что поняла ее мог только Яхмос, только убийца, которого она заподозрила, и никто другой. Ее слова поразили Яхмоса, и он выдал себя, всего на мгновение, но и этого было достаточно, чтобы Эза убедилась в справедливости своей догадки. Но и Яхмос понял, что Эза его заподозрила. А раз возникло подозрение — отсюда всего один шаг до объяснения всей истории, рассказанной пастушонком, несчастным мальчишкой, готовым исполнить любое повеление господина своего Яхмоса, даже проглотить усыпляющее зелье, которое Яхмос принес ему ночью, чтобы опасный помощник уже никогда не проснулся...

— О, Хори, как трудно поверить, что всех, всех убил Яхмос! Нофрет — да, это я бы еще могла понять. Но к чему еще столько убийств?

— Попробую объяснить тебе это, Ренисенеб. Когда человек вступил на путь зла, злодеяния начинают множиться, как плевелы среди хлебов. Яхмос всю жизнь играл роль скромного, безобидного добрячка. Я думаю, что убийство Нофрет дало ему опьяняющее ощущение собственной силы. Он убедился в этом, глядя на Сатипи. Его жена, которая всегда унижала и оскорбляла его, сразу стала покорной и робкой. И тогда все затаенные обиды зашевелились в его душе, как змеи, и выползли на свет. Собек был гораздо смелее и красивее Яхмоса, Ипи — моложе и умнее, — значит, они должны были исчезнуть. Он, Яхмос, должен остаться единственным хозяином в доме, единственной опорой и отрадой старика отца. Кроме того, смерть Сатипи разбудила в нем страсть к убийствам. С каждым разом он чувствовал себя все сильнее и увереннее. Но, видимо, с этого времени он уже не владел собой, а стал орудием пробудившегося в его душе демона зла.

— Но почему он пощадил меня? — спросила Ренисенеб.

— Ты не стояла на его пути. И в нем еще теплилась прежняя любовь к тебе. Только мысль о том, что ему придется разделить с твоим будущим мужем власть и богатства Имхотепа, толкнула его на последнее преступление. Я думаю, Эза выбрала для тебя Камени по двум причинам. Во-первых, она надеялась, что следующей жертвой Яхмоса будет Камени, а не ты (кстати, одновременно она поручила

мне охранять тебя). А во-вторых, эта мужественная женщина стремилась вывести убийцу на чистую воду. Яхмос не знал, что я его тоже подозреваю и слежу за ним, и мы надеялись застать его на месте преступления.

— И тебе это удалось, — проговорила Ренисенеб. — Как я испугалась, когда увидела его лицо!

— Знаю, Ренисенеб. Но так было нужно. До тех пор, пока я был с тобой рядом, тебе ничто не грозило, но это не могло продолжаться до бесконечности. Я знал, что, если Яхмосу представится возможность столкнуть тебя вниз с тропы в том же самом месте, он этим воспользуется. Суеверный страх перед призраком Нофрет поможет объяснить твою смерть.

— И тогда ты передал мне через Хенет просьбу прийти сюда?

— Я ничего не передавал через Хенет.

— Но почему же Хенет сказала?.. — Ренисенеб умолкла и недоуменно покачала головой. — Не понимаю! Не понимаю, какую роль играла во всем этом Хенет.

— Я думаю, Хенет знала правду, — задумчиво проговорил Хори. — Во всяком случае сегодня утром она намекнула об этом Яхмосу, что с ее стороны было опасным промахом. Он воспользовался услугами Хенет, чтобы заманить тебя сюда, и та выполнила его просьбу с радостью, потому что она ненавидит тебя, Ренисенеб.

— Я знаю.

— Но на что рассчитывала Хенет? Я могу лишь гадать. Может быть, она надеялась, что, сохраняя тайну, сумеет держать Яхмоса в своих руках. Но я не верю, чтобы Яхмос с этим примирился. Может, он уже принял меры...

Ренисенеб задрожала.

— Яхмос был сумасшедший! — воскликнула она. — Он был одержим злыми духами. Но раньше-то он был совсем иной!

— И да и нет. Помнишь, Ренисенеб, я рассказывал тебе, как в детстве Собек избил Яхмоса и как прибежала твоя мать, дрожащая и бледная, и сказала «Это опасно!». Я думаю, она хотела сказать: «Опасно задевать Яхмоса». Вспомни, что на следующий день Собек заболел — из-за несвежей пищи, как мы тогда думали. Мне кажется, твоя мать знала о скрытой, подавленной ярости, которая теплилась в сердце ее доброго, послушного сыночка, и больше всего боялась, как бы эта ярость не вырвалась наружу.

Ренисенеб содрогнулась.

— Неужели нет никого, кто похож на самого себя?

— Почему же? — улыбнулся Хори. — Например, Камени и я. Мы оба на самом деле такие, какими ты нас знаешь, Ренисенеб. Камени и я...

Он настойчиво подчеркнул последние слова, и Ренисенеб вдруг поняла, что наступил решающий миг ее жизни. Она должна выбрать.

— Мы оба любим тебя, Ренисенеб, — продолжал Хори, — и ты это знаешь.

Ренисенеб умоляюще простерла руки:

— О, Хори, прошу тебя, — реши за меня сам!

Он улыбнулся ей, как улыбнулся бы прежней девочке Ренисенеб — в последний раз. И, отведя ее руки, ответил:

— Я не могу решать за тебя, Ренисенеб. Ты должна выбрать сама.

И тут Ренисенеб почувствовала, что ей ничто не поможет. Здесь не было горячей руки Камени, которая бы решила за нее. Если бы Хори прикоснулся к ней!.. Но он не прикоснулся.

И тогда выбор предстал перед ней просто и неизбежно: прожить жизнь трудно или легко. Ах, какой это был соблазн, жить счастливо, ни о чем не думая, спокойно и радостно, как она жила с Хаи! Тогда бы ей ничто не грозило — ни обыденные заботы, ни огорчения, ни старость, ни смерть...

Смерть! Опять ее мысли вернулись к смерти. Хаи умер. Камени, наверное, тоже умрет, и образ его растает в тумане времени, как образ Хаи...

Ренисенеб взглянула на Хори. Он стоял рядом с ней недвижимо. «Странно, — подумала она, — я никогда не спрашивала себя, каков он, красив или нет?» Ей эта мысль никогда не приходила в голову. А он был... таким, каким она его знала.

Она задохнулась, но у нее достало сил сказать, и сказать тем голосом, которым она обещала ему пройти в одиночку по роковой тропе в час заката:

— Я сделала выбор, Хори. Я хочу разделить с тобой все доброе и плохое — до конца моих дней.

Он обнял ее. И нежность прикосновения его щеки к ее лицу напомнила ей, что жизнь вся еще впереди.

«Если умрет Хори, — подумала она, — его я не забуду! Он, как песня в сердце моем, навсегда... А это значит, что смерть над нами не властна...»

Перевел с английского
Ф. Мендельсон

НА МОЛЬБЕРТАХ АФРИКИ

В далеком малийском городке Дире, там, где саванна переходит в Сахару, живет художник Кейта. «Моя специальность, — говорит он, — родные пейзажи».

Фото В. Корочанцева (ТАСС)

